

ГДЕ МЕХАМЕД?

Это было в 1934 году. Мейерхольд ставил «Даму с камелиями», мне надо было рисовать его.

— Я все время занят спектаклем, — сказал он, — позировать некогда. Приходите в театр и рисуйте во время репетиции.

В проходной пропуска не оказалось, и я послал Мейерхольду записку, мол, как же так? Через некоторое время вышел худой, с рыжей шевелюрой человек и провел меня в зал.

В этот момент мы услышали громкий голос Мейерхольда:

— Где Мехамед? Почему нет Мехамеда?!

Мой проводник удивленно сказал:

— Я здесь, Всеволод Эмильевич, вы же сами поручили мне встретить художника.

Но лицо Мейерхольда выражало не меньшее удивление и даже растерянность.

— Кто это кричал? — тихо спросил он.

— Где Мехамед?! Почему нет Мехамеда?! — раздалось вновь. Мейерхольд взглянул на сцену и присел от хохота.

По его замыслу, в качестве одного из элементов спонтанья в клетке сидел живой попугай. Это он с мастерством актера-кописта подражал голосу Мейерхольда.

Позже я узнал, что Мейерхольд настолько привык к своему помрежу Мехамеду, что всякий раз перед началом репетиции, независимо от того, нужен или не нужен был помреж, кричал:

— Где Мехамед?! Почему нет Мехамеда?!

Этот возглас, повторявшийся изо дня в день, и заставил заговорить попугая.

* * *

После того как великая французская актриса Сара Бернар произвела фурор исполнением роли Гамлета, Мейерхольд загорелся идеей поставить «Гамлета» в своем театре. Принца датского должна была играть Зинаида Райх. Столь странная идея вызвала естественное недоумение в труппе. И когда Мейерхольд спросил одного из талантливейших актеров театра С. А. Мартинсона, какую роль он хотел бы сыграть в этом спектакле, Сергей Александрович ответил:

— Если Зинаида Райх будет играть Гамлета, я согласен только на Офелию.

В конце 20-х годов я учился в Ленинградском художественном техникуме. Наш преподаватель В. И. Бейер был главным художником Тюзэ, и на занятия по театральному делу мы ходили туда. Познакомились и подружились с актерами. Молодой тогда Черкасов, узнав, что я работаю статистом в Мариинском театре, рассказал, как сам был в этом же театре мимистом и дублировал Шалапина в опере Массне «Дон Кихот». Он всего лишь на минуту появлялся верхом на коне в глубине сцены, но выходом этим гордился до сих пор, так как подмены никто не замечал.

В Тюзэ Черкасов уже никого не дублировал, а сам играл Дон Кихота в веселом детском спектакле. На трехколесном велосипеде, увенчанном бутажфорской лошадиной головой, выезжал на сцену невысказанно тощий, длинный, смешной ры-

царь. Вооружившись кочергой вместо копья, он самоотверженно вступал в бой со злыми волшебниками.

Тогда же Черкасов участвовал в эксцентрической эстрадной пародии «Пат, Паташон и Чарли Чаплин». Неправдоподобно сплетались и расплетались длинные ноги Пата. Руки, обхватив собственное туловище, встречались в рукопожатии за спиной. Номер заканчивался головокружительным танцем.

В 1955 году Черкасов вновь сыграл своего старого друга Дон Кихота в фильме Козинцева. Вскоре после выхода картины я встретил его на улице Восстания. Он почему-то повел меня в Басков переулок. Остановился перед угрюмым серым домом.

— Здесь, на верхнем этаже, — сказал он, — я жил, когда работал в Тюзэ. Протекал потолок, было сыро и холодно. Но молодость, молодость... Эх!

Он быстро огляделся и, убедившись, что прохожих нет, внезапно обхватил себя руками, крепко сжал их за спиной, вскинул ногу и пустился в безудержную пляску Пата. Остановился, еле переводя дух, улыбнулся и подмигнул:

— А что! Сбросить бы годков 20 и... с каким удовольствием я прокатился бы опять на трехколесном Россинанте!